

ГЕОРГИЙ САВИЦКИЙ

БИТВА

«ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРОК».

ТАНКИСТЫ

СТАЛИНГРАДА

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Георгий Савицкий

**Битва «тридцатьчетверок».
Танкисты Сталинграда**

«Яуза»

2013

Савицкий Г. В.

Битва «тридцатьчетверок». Танкисты Сталинграда /
Г. В. Савицкий — «Яуза», 2013 — (Война. Штрафбат. Они
сражались за Родину)

«Rattenkrieg» («Крысиная война») – так окрестила беспощадные уличные бои в Сталинграде немецкая пехота. А наши бойцы прозвали это сражение «Битвой «тридцатьчетверок» – именно здесь легендарные Т-34 производства Сталинградского тракторного завода впервые применялись массово. Рабочие продолжали собирать и ремонтировать танки, даже когда гитлеровцы прорвались к заводской проходной, где ополченцы и охранники НКВД держались до последней капли крови. Танковые экипажи зачастую набирали здесь же, на СТЗ, из добровольцев, в том числе и женщин. «Тридцатьчетверки» шли из цехов прямо в бой неокрашенными, порой даже без прицелов и триплексов, и жили в Сталинградском аду считанные часы – но ценой страшных потерь остановили врага на последнем рубеже... Русские смертники против немецких штурмовых групп! Т-34 против германских панцеров! Зенитные танки Т-90 против «лаптежников» Ju.87 Stuka! Ни шагу назад! За Волгой для нас земли нет!

© Савицкий Г. В., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Георгий Савицкий

Битва «тридцатьчетверок».

Танкисты Сталинграда

«С осени 1942 года война повернула на запад. С малоизвестной высоты с отметкой «102» – Мамаева кургана – Красная Армия открыла себе дорогу к логову фашистского зверя – Берлину...»
Маршал Василевский А. М.

Пролог

С взлетной полосы аэродрома «Питомник» поднялся тяжело нагруженный транспортный самолет Ju-52. Все его три мотора ревели на самых высоких оборотах. В окруженный советскими войсками Сталинград «транспортники» Люфтваффе везли продовольствие, медикаменты, боеприпасы. А обратно забирали раненых и тех, кто получил официальное разрешение вылететь из этого ледяного ада.

От летчиков требовались смелость и сноровка, чтобы на перегруженном самолете подняться в небо по узкой и короткой полосе. Погода в приволжских степях была прескверной: снежные заряды, метели, ледяной ветер. К тому же путь взлетающим самолетам преграждали многочисленные воронки от арт-обстрелов русских и обломки машин менее удачливых коллег из Люфтваффе.

Через этот аэродром «Питомник», а также с авиабазы Гумрак осуществлялось снабжение Шестой армии фельдмаршала Паулюса по воздуху.

И вот очередной «транспортник» оторвал неубирающиеся шасси от укатанной полосы снега, чтобы приземлиться спустя несколько часов полета где-нибудь в Новочеркасске, Ростове-на-Дону или в Сталино ¹.

– Flug auff! Aufstiege. – Взлетаем! Набираем высоту.

В салоне самолета пилотам аплодировали даже раненые. Кто-то из полуобмороженных пассажиров на радостях затянул «Лили Марлен». Он отчаянно хрипел простуженным горлом и нещадно фальшивил, но песню поддержали:

Vor der Kaserne vor dem großen Tor
Stand eine Laterne und steht sie noch davor
So wollen wir uns da wieder sehrn
Bei der Laterne wollen wir stehen
Wie einst Lili Marleen.
Wie einst Lili Marleen... ²

Однако воздушные стрелки в куполообразной верхней установке и по бортам кабины не разделяли всеобщего ликования.

Всю трассу транспортников от Сталинграда отмечали на земле обломки сбитых немецких самолетов. Чего только не было в этих горах искореженного «крылатого металла»?! Покореженные останки «Хейнкелей-111», которые использовались теперь не как бомбарди-

¹ Сталино – старое название Донецка.

² Около казармы, в свете фонаря Кружатся попарно листья сентября, Ах, как давно у этих стен Я сам стоял, стоял и ждал Тебя, Лили Марлен. Тебя, Лили Марлен...

ровщики, а как транспортные самолеты. Почтовые «Юнкеры-86», транспортные Ю-52, сверхтяжелые четырехмоторные FW-200 «Кондор».

А вот переоборудованные в «транспортники» «Урал-бомберы» – «Хейнкели-177» сгорели на авиабазе в Днепропетровске безо всякого участия русских летчиков или зенитчиков. Просто они еще раз подтвердили свою сомнительную репутацию «летающего фейерверка», из-за которой доработка этих летающих монстров затянулась в Люфтваффе на несколько лет.

Беспощадные «сталинские соколы» делали все, чтобы приумножить это «крылатое кладбище». Воздушный бой в таких случаях был молниеносным: заход на цель – атака! Отворот – и снова заход. Краснозвездные «ястребки» били по двигателям, дырявили гофрированные крылья и фюзеляжи, прошивали кабины и пилотов Люфтваффе внутри.

К перехватам немецких «транспортников» привлекали даже штурмовики «Ил-2»! Неторопливые, по сравнению с истребителями, «Eizern Gustaw» – «Железные Густавы», как называли их немцы, расстреливали неповоротливые «Ю-52» и «Хейнкели-111» из пушек и пулеметов. А то и могли реактивными снарядами «поджарить». И тогда точно – быстрая и яркая смерть!

Так что стрелки нервно водили стволами пулеметов, ожидая скорой и неминуемой атаки.

Раньше их прикрывали «Мессершмитты-109», но сейчас «Ягдгешвадеры» сильно поредели, прикрывать транспортные машины стало просто некому. Да и лично рейхсмаршал Люфтваффе Герман Геринг берег своих «орлов». А на обычных «пилотах», на горбу которых и держалась слава «непобедимой германской воздушной мощи», командованию было плевать с вершушки Рейхстага.

Но смерть для фашистских оккупантов пришла не с хмурых свинцовых небес, а из снежной пелены внизу. Раскаленные плети пронзили ледяные вихри и прошили «летающий автобус Люфтваффе». Крупнокалиберные пули прошивали легкий гофрированный дюраль и кромсали тела «счастливчиков», которые думали, что смогут покинуть ледяной ад осажденного Сталинграда.

– Ich bin traf! – Я подбит!

Куски свинца со стальными сердечниками ударили по крыльям и двигателям. Экипаж от смерти спас только носовой мотор, который принял на себя очередную «порцию» раскаленного русского свинца. Во все стороны полетели оторванные цилиндры, искореженные лопасти воздушного винта, какие-то детали из выпотрошенного нутра механизма.

– Zum Teufel! – К черту!

Грузная «тетушка Ю» клюнула разбитым носом и, неуклюже заваливаясь на крыло, пошла к земле. Падение продолжалось недолго. Удар и жуткая встряска перемешали в салоне «тетушки Ю» живых с теми, для кого этот ад уже закончился.

Искореженный самолет пробороздил снежные заносы и остановился. Когда осели снежные облака, показались угловатые серые силуэты. Танки русских. Это были не знаменитые «тридцатьчетверки», а кое-что поменьше, но от этого – не менее смертоносное. Спаренные стволы крупнокалиберных пулеметов красноречиво уставились в лобовые стекла кабины искореженного немецкого транспортника. Экипажу и уцелевшим «пассажирам» оставалось только сдаться...

Немецкий «транспортник» был не первым в списке побед экипажа русского легкого танка. Несколько таких зенитных машин воевали в Сталинграде с конца августа 1942 года. Они не только сбивали «Мессершмиттов» и «лаптежников» с «Хейнкелями», но и участвовали в яростных уличных боях. Легкие и маневренные, они всегда оказывались там, где нужнее всего была их огневая мощь, броня и натиск.

Глава 1

Nach Volga!

Колонна пыльной стальной змеей вилась по равнине между Доном и Волгой. День и ночь степь оглашалась ревом моторов и лязгом стальных траков гусениц. Подразделения Шестой армии вермахта под началом молодого и амбициозного генерала Панцерваффе Фридриха Паулюса двигались неумолимо, с каждым часом приближаясь к своей цели – Сталинграду. Армады «Панцеров», сотни грузовиков, повозок на конной тяге.

Чертова дюжина дивизий, из них – две танковые, итальянские и румынские союзнические подразделения, всего около 27 000 штыков. Пятьсот танков, самоходные орудия, полевая артиллерия – три тысячи орудий и минометов. Войска прикрывали 1200 самолетов 4-го Воздушного флота Люфтваффе под командованием Вольфрама фон Рихтгофена, а также итальянские и венгерские легчики.

Перед началом этого наступления Гитлер сказал Паулюсу: «С такими силами вы можете штурмовать небеса!»

Ну, небеса – небесами, а для того, чтобы сломить сопротивление упрямых русских у их последнего рубежа обороны, нужно было гораздо больше. Если рассечь важную водную артерию, коей являлась полноводная Волга, то одновременно можно было и разрушить пути снабжения, и выйти к нефтеносным месторождениям Каспия. Да и сам факт, что город был назван именем Сталина, приковывал внимание высшего командования вермахта и его Сухопутных сил³.

* * *

Колонны вермахта двигались стремительно, словно наступали не на Сталинград, а как два года назад – на Париж. Тогда пулю⁴ откатились назад всего за пару месяцев. И это притом, что у самой большой страны демократической Европы армия поначалу втрое превосходила вермахт. И что? Долго ли они сопротивлялись со своей призрачной верой в идеалы демократии и объединения всех наций?...

Так думал и молодой обершутце⁵ моторизованной дивизии Фридрих Вайсманн.

Он был из недавнего набора, всего семнадцать лет. В отличие от своих более старших сверстников, он уже вырос во время правления мудрого Адольфа Гитлера. Парнишка рос сообразительным, сильным и смелым, а школа и Гитлерюгенд укрепляли и развивали эти качества. Для них, молодых, было все: спортивные секции и яхтклубы, боксерские ринги и планерные кружки, тир и летние лагеря полевой подготовки. И все это – совершенно бесплатно. Деньги сейчас значили меньше, чем раньше. Сейчас на первый план выходила молодость – именно ею и расплачивались юные немцы, причем делали это добровольно: уж слишком красиво разливал речи «романтик Третьего рейха» – Йозеф Геббельс.⁶

³ В Третьем рейхе было целых два Генеральных штаба – Вермахта и Сухопутных сил: ОКВ и ОКН – Oberkommando der Wehrmacht и Oberkommando der Heeres.

⁴ Пулю – жаргонное название французов, как для русских – «иван», для немцев – «бош», «фриц», «ганс», американцев – «янки», а англичан – «томми» или «бобби».

⁵ «Старший стрелок» – самый малый чин, первый после рядового, примерно соответствует званию ефрейтора.

⁶ Автора могут упрекнуть в том, что и в Советском Союзе было точно так же. Но давайте оставим подобные утверждения на совести предателя Резуна. Советские ребята прямо после выпускного пошли добровольцами на фронт. Не мы напали, а на нас напали.

И вот теперь – второй после сорок первого года Drang nach Osten. Самое интересное, что ни рядовые солдаты вермахта, ни Верховное командование не считали провал наступления под Москвой серьезной катастрофой. Отступление от столицы считалось только лишь «выравниванием линии фронта». Очевидно, что это было не только пустым бахвальством. А всему виной – провал наступления подо Ржевом и Вязьмой. Там русские понесли огромные потери зимой и весной 1942 года. Благодаря глубоко эшелонированной и грамотной обороне силы германских войск на данном участке фронта не просто удерживали русских, а попросту – истребляли их, заваливая подступы горами трупов.

Не зря командуя 9-й армией вермахта генерал Вальтер Модель в немецком Генштабе заслужил вполне оправданное прозвище Meister die Affenzive – Мастер отступления.

Первоначальное наступление Шестой армии Фридриха Паулюса было настолько успешным, что Гитлер вмешался вновь, приказав 4-й танковой армии присоединиться к группе армий «Юг». В результате этого образовался огромный затор, когда 4-й и 6-й армиям потребовалось в зоне действий несколько дорог. Обе армии намертво застряли, причем задержка оказалась довольно долгой и замедлила наступление немцев на одну неделю. С замедленным наступлением Гитлер поменял свое мнение и переназначил цель 4-й танковой армии обратно на Сталинградское направление.

Вот такой была «великая мудрость фюрера»!..

* * *

Победоносное шествие колонн мотомеханизированных частей Шестой армии вермахта прекратилось весьма неожиданно. У какой-то безымянной высоты, всего лишь точке на оперативных картах, путь победителям «всея Европы» преградил заслон красноармейцев.

Батарея из трех 76-миллиметровых противотанковых орудий ударила внезапно, словно бы из ниоткуда – эти русские весьма неплохо замаскировались. Чрезмерное высокомерие стоило гитлеровцам сразу двух подбитых танков и полутора десятков трупов пехотинцев. Яростно палящих из винтовок и пулеметов русских вместе с их пушками сровняли с землей вызванные по рации «Юнкерсы-87».

Семнадцатилетнему Фридриху Вайсманну повезло – он остался лежать среди тех полутора десятков. Осколок русского снаряда от ricochet от крупновской брони среднего командирского танка Pz.Kpfw IV Ausf F1 B.W и попал в голову молодого пехотинца. И проломил височную кость – быстрая и легкая смерть от мгновенного кровоизлияния в мозг.

Молодой немец уже не испытает страха и ярости перед русскими автоматчиками в жестоких и кровопролитных уличных боях. Он уже не будет замерзать насмерть в развалинах города, не будет вываривать лошадиные копыта и разгрызать последний заледенелый сухарь. И видеть при этом, как контейнеры с едой, сброшенные на парашютах с транспортных трехмоторных «Юнкерсов-52», ветром относит на русские позиции... Он не будет вжиматься в мерзлую землю на дне окопа под завывания «Сталинских органов»⁷.

Более того, Фридрих Вайсманн умер в счастливом неведении об истинных масштабах грядущей трагедии. Он, солдат непобедимого Третьего рейха, не узнал предательства собственного командования, которое в канун Нового года, 1943-го, заказало панихиду по живым солдатам вермахта, продолжавшим стойко, несмотря на все ужасы окружения, оборонять свои позиции. Даже гитлеровские солдаты – оккупанты, не заслужили предательства собственного командования. В русском плену с ними обращались гораздо более уважительно, чем на боевых позициях.

⁷ «Сталинский орган» – гвардейский реактивный миномет БМ-13 «катюша». Так его называли немцы за характерный воющий звук.

Фридрих Вайсманн лег в сталинградскую землю, под простой березовый крест, с надеждой на него каской. А домой, в Баварию отправился казенный конверт с печатями вермахта. Внутри – половинка посмертного медальона и сухое, пересыпанное канцеляритом, извещение о смерти.

Глава 2

Город на Волге

После госпиталя гвардии старшину Стеценко в действующие войска не отпустили. Не раз горевший в танке гвардеец негодовал: как же так – в то время, когда мы несем огромные потери, его заставляют отсиживаться в тылу! Да я самому товарищу Сталину напишу, черти вы эдакие!!!

– Никому писать не надо, товарищ гвардии старшина, – строго ответил ему в «задушевной беседе» представитель Особого отдела с капитанскими «шпалами» на петлицах. – Неужто вы думаете, что товарищ Сталин будет читать то, что написал хоть и гвардеец, но все же простой солдат.

– Вот именно потому, что гвардеец и простой солдат, – ответил спокойно Степан Никифорович и даже приосанился чуток. – Права у вас такого нету на меня. Воюю на передовой, с техникой на «ты», а не то что некоторые: все за столом и за пишмашинкой. Нешто еще и девку-секретутку заводят...

– Старшина, ты полегче-то на поворотах! – особист повысил голос ровно настолько, чтобы сидящий перед ним танкист понял: в штабе тоже не дураки сидят.

– Виноват, товарищ капитан, – Степан Никифорович понял.

– Вы участвовали в воздушно-десантной операции под Ржевом и Вязьмой прошлой зимой?

– А вот этого я тебе, милоч, не скажу, хоть тут меня «шлепни»...

– Вижу, военную тайну хранить умеете, – чуть улыбнулся контрразведчик с петлицами капитана. – Значит, не ошиблись в вас. Коммунист?

– С 1940 года, еще с белофиннами воевали...

– Получите сопроводительные документы и убывайте по месту назначения.

– Есть!

Паровоз пыхтел и плевался паром, дым вился над составом, перестукивали на стыках колеса.

В теплушках собрался самый разный фронтовой народ: легкораненые ехали в отпуска, кого-то переводили на новое место службы, кто-то направлялся в тыл за новой техникой или на курсы младших командиров.

Гвардии старшина Стеценко ехал вместе с танкистами как раз по такому делу. В теплушке играла разухабистая гармошка, танкист с обожженным лицом разливал добытый на полустанке самогон.

– Ну, будем, славяне!

Степан Никифорович кивнул и загрыз ядреный «первач» черным хлебом с луком.

– Ух! Аж слезу шибет!..

Потянулись прерванные нехитрым возлиянием обычные дорожные разговоры. В основном они крутились вокруг планов в тылу, специфических новостей и домыслов с фронта – кто, где служил – и пересудов насчет дальнейшего хода военных действий. Настроение пассажиров было неоднозначным: с одной стороны, ехали в тыл и можно было хоть на некоторое время вырваться из огненной круговерти боев. А с другой – все разговоры вертелись вокруг этой проклятой войны. Всего год прошел, а о мирной жизни вспоминали как о чем-то нереальном. А некоторые и вообще предпочитали о мирной жизни и не говорить вовсе: у многих родные погибли под бомбами или остались на оккупированных гитлеровцами территориях. Кто-то был в эвакуации.

Тем более что нынешнее положение дел не слишком располагало строить радужные планы. Немцы вместе со своими прихвостнями рвались к Волге. Очередное контрнаступление на Харьков провалилось. Наши войска завязли на подступах к Вязьме и Ржеву – там шли ожесточенные бои. В героическом Севастополе матросы и солдаты под обстрелом чудовищной «Доры» сдерживали наступление генерала Эриха фон Манштейна.

– Доколе еще отступать будем? – пробасил танкист с рыжими усами. – Я этих сукиных детей под Сталино бил на «Климе Ворошилове».

– Ничего, вот соберет товарищ Сталин стальной кулак дивизий и ударит по гадам!

– А я так скажу... – поднял голову Степан Никифорович. – Начинать с себя надо! А то привыкли, понимаешь, драпать!.. Так и до самого Урала пятками сверкать можно...

– Ну, ты загнул, паря! До самого Урала!

– Ничего подобного. Я под Москвой воевал прошлой зимой и отлично помню, что люди сами себе сказали: «Хватит отступать! Пора начистить мордасы этим фрицам, готам, манштейнам с гудерианами!» И начистили!

– А потом что? Когда колы на Ржев пишлы? – отозвался с дощатых нар невысокий щуплый танкист.

По его обожженным рукам Степан Никифорович Стеценко безошибочно определил заряжающего. При выстреле тому нужно как можно быстрее подхватить из открывшегося казенника пушки дымящуюся гильзу и выбросить ее через люк, чтоб не было излишнего задымления. А то и угореть можно от пороховых газов, которые появляются при интенсивной стрельбе. При этом даже в перчатках можно было довольно сильно обжечь руку о раскаленную латунь гильзы.

– Ничего... – буркнул Стеценко. – Там мы тоже делали все, что могли. И даже сверх того – фрицам так дали просрать, что!..

– Что?

– Я подписку давал. Так что все остальное – военная тайна!

Разговор прекратился как-то сам собой. После спиртного стук колес действовал убаюкивающе.

Но гвардии старшине спать что-то расхотелось. И он подсел поближе к раскрытой настежь двери теплушки. Вокруг цвела весна, апрель взбил бело-розовую кипень садов, оттенил ее нежно-изумрудной молодой листвой.

Но в сердце Степана Никифоровича Стеценко заледенел метелями проклятый февраль. Ржев и Вязьма – ох, не скоро вспомнят о «блестящей» операции маршала Жукова, угробившего уйму народа всего в нескольких десятках километров от отвоеванной декабрьским контрнаступлением столицы нашей Родины. Там и сейчас шли ожесточенные бои – за деревни, от которых остались только полдесятка обугленных печных труб, за каждый холм, лощину, ручеек... Но с другой стороны – ведь за свою-то землю воюем! За свои разрушенные села, холмы и перелески! Немец воюет лучше – вот у него учиться нужно. Ну, а на войне двоек не ставят – здесь аттестат зрелости пишут кровью. Да и к чему обвинять собственных генералов? Враг у нас один – гитлеровский проклятый фашизм! Вот с него и надо спрашивать. И он, паскуда, нам за все ответит!

Так думал гвардии старшина Стеценко, сидя в теплушке. А мимо проносилась цветущая степь: изумрудно-зеленый ковер с россыпями разноцветных полевых цветов. Больше всего здесь было полевых маков, алые цветы контрастно выделялись на сочной зелени. Скоро алых маков в этой степи прибавится...

Сердце старого воина внезапно болезненно сжалось. Тут им и стоять насмерть!

– Воздух! Воздух! Немецкие самолеты!

Эшелон дернулся сцепками – это машинист наподдал пару паровозному котлу. Но от самолетов громоздкий состав уйти не мог. И как назло – на небе лишь редкие облака, а солнце сияет нещадно...

Вначале пришел тонкий вой, который превратился в оглушающий рев. На бреющем, у самой земли, пронеслись две крылатые тени. Пара «Эмилей» – истребителей «Мессершмитт» Vf-109E – пронеслись по обе стороны от советского санитарно-эвакуационного поезда – от хвоста к голове. Безжалостные огненные плети хлестнули по вагонам, в которых были сотни тяжело-раненых. Потоки 20-миллиметровых снарядов крошили дощатые стенки теплушек, осколки безжалостно секли наших бойцов. Раненых бойцов. На крышах вагонов были белые полотнища с красными крестами – но именно по ним стреляли гитлеровские пилоты.

Гвардии старшина стиснул зубы так, что скулы побелели. Суки! Какие же это все-таки твари – расстреливать беззащитных людей!

А пара вытянутых, хищных силуэтов с угловатыми, как бы обрубленными крыльями взмыла к безжалостному палящему солнцу.

Пара «Мессершмиттов» Vf-109E, «Эмилей», как называли его в войсках, прикрывали тройку пикирующих бомбардировщиков. Это был враг гораздо более страшный и гораздо более смертоносный.

«Штуки» все еще летали по старинке, тройками, им так было проще атаковать наземные цели. Рев авиационных моторов сменился оглушающим воем. Все три «Юнкерса-87» выстроились цепочкой и выполнили доворот на цель.

Перевернувшись через крыло, они один за другим срывались в крутое пикирование. Свист рассекаемого воздуха, адский рев мотора и вой аэродинамических сирен огласили окрестности.

Санитарный эшелон был практически беззащитен. Все же это не зенитный бронепоезд с автоматическими пушками и крупнокалиберными пулеметами на бронеплощадках. На эвакопоезде была установлена всего лишь пара счетверенных «Максимов» и всего один-единственный крупнокалиберный пулемет «ДШК». Они стали стрелять, но где им угнаться за крылатой смертью?...

Головной «Юнкерс» Ju-87B был уже в восьмистах метрах над землей, когда пилот дернул рукоятку сброса бомб. Подвешенная под фюзеляжем двухсотпятидесятикилограммовая фугаска скользнула по специальным направляющим, выводящим ее за границы вращения воздушного винта, и скользнула вниз. На краткий миг и самолет, и бомба замерли в нижней точке пикирования. А потом бомбардировщик с черными крестами на фюзеляже и крыльях задрал нос, «переломив» траекторию, а фугасная авиабомба устремилась на цель. В кабине «штуки» летчик изо всех сил навалился на ручку управления самолетом и тянул ее на себя, борясь с разом навалившейся перегрузкой. На самом деле это был просто инстинкт: пилот старался поскорее уйти от земли. И совершал при этом просто бесполезные попытки. При вводе в пикирование самолета был включен автомат пикирования. И он сам, без помощи пилота выводил машину из пикирования. Но инстинкт был слеп, и он велел спастись. Несмотря на вмешательство автоматики, самолет просел где-то еще на добрых две сотни метров, прежде чем стал набирать высоту.

Фугасная авиабомба SC/SD-250 ударила прямо в середину поезда – фонтан мощного взрыва разорвал вереницу вагонов. Германская птица апокалипсиса для того и создавалась – для точных бомбежек с почти отвесного пикирования. Два или три вагона просто перестали существовать – вместе с медперсоналом и ранеными. Остальные взрывной волной срывало с рельсов, швыряло один на другой. В наполненном гарью и дымом воздухе летали обломки и окровавленные ошметки человеческих тел.

Еще две тяжелые, четвертьтонные, бомбы вдребезги разнесли паровоз.

Степану Никифоровичу повезло: он сидел возле раскрытой двери, и взрывной волной его просто выбросило из теплушки. А в следующий миг вагон подбросило и поставило почти вертикально. От страшного удара теплушка практически полностью развалилась, людей переломанными куклами расшвыряло в стороны.

Гвардии старшина Стеценко упал и скатился по насыпи. А вокруг продолжали грохотать взрывы.

Кроме одной тяжелой осколочно-фугасной бомбы на центральном подфюзеляжном бомбодержателе ЕТС-500 под крыльями «Юнкерса-87» находились и еще четыре пятидесятикилограммовые авиабомбы SC-50. Или два десятка мелких десятикилограммовых бомб SC-10. И весь этот смертоносный стальной град обрушивался сейчас с пылающих небес на беззащитный советский эвакопоезд. Даже гвардии старшине Стеценко, прошедшему зимний ад ржевской мясорубки, стало не по себе.

Казалось, низко стелющийся над землей «лаптежник» несется прямо на него, консоли крыльев озаряются вспышками... Пули взбивают фонтанчики щебня с железнодорожной насыпи, с визгом рикошетят от стальных рельс, рассыпая искры.

«Юнкерс» Ju-87В кроме бомб был вооружен еще и пулеметами. Два 7,92-миллиметровых пулемета MG-17 находились в консолях крыла и один подвижный пулемет, тоже винтовочного калибра, MG-15 располагался на турельной установке Linsenlafette-Z10d.

Гвардии старшина Степан Никифорович Стеценко лежал навзничь, распластанный на земле. Все тело – как один огромный ушиб, голова разламывается – контузило. В глазах дымчатая, кровавая пелена, и сквозь нее – рев двигателя летящего над самой землей пикировщика с черными паучьими крестами на крыльях и нелепо растопыренными стойками шасси с обтекателями-«лаптями»...

Черная тень с широкими крыльями заслонила солнце, слепо глядящее из-за завесы дыма и пыли. Рев мотора стал просто нестерпимым.

Но вот «восемьдесят седьмой» задрал нос кверху, выходя из пикирования. Надрывался на предельных оборотах мотор. А из кормовой кабины стрелок ударил по земле из турельного пулемета. Снова взвизгнули, раздирая воздух, пули, зацелкали по насыпи. Мимо распластанного по земле гвардии старшины кто-то пробежал. Короткий вскрик, и тело валится рядом, пронзенное свинцовой смертью.

Степан Никифорович скосил глаза и встретился с мертвым взглядом девчужки-медсестры. Именно ее убил только что стервятник Геринга. Из полуоткрытого рта медленно вытекала струйка темной крови, на почти детском лице застыло выражение ужаса и отчаяния.

Гвардии старшина зарычал в небо. Суки!!! Злоба захлестнула его душу до краев, злоба и решимость подняли израненное тело с дымящейся земли. Стеценко выбросил кулак в приветствии испанских коммунистов, грозя «лаптежникам»: «Но пасаран!» – «Они не пройдут!»

Багровая мгла сомкнулась над гвардии старшиной.

В следующий раз он очнулся уже в эвакогоспитале, в самом Сталинграде. Отделался он на удивление легко – так, незначительная контузия. Кого этим сейчас, в огневом сорок втором, удивишь? В госпитале он пробыл недолго и отправился на предписанное место службы.

Им оказалось конструкторское бюро Сталинградского тракторного завода, отдел легких танков. Точнее – испытательная группа.

Завод потрясал воображение. Частокол труб дымил словно броненосная эскадра. Паровозы, пыхтя, тащили за собой вереницы тяжело груженных вагонов с углем, железной рудой в окатышах, металлоломом, гашеной известью. Навстречу, раздавая короткие гудки, окутанные паром и дымом локомотивы тянули составы с огненным чугуном и раскаленным шлаком. Расплавленная огненная масса колыхалась в чашах чугуновозных и шлаковозных ковшей. За высокой стеной виднелись длинные здания промышленных цехов.

На проходной бдительная охрана проверила документы у гвардии старшины. И все это время остальные бойцы НКВД держали руки на кобурах с «наганями».

Миновав проходную, Степан Никифорович Стеценко пошел по широкой, как проспект, «улице» между гудящими и грохочущими цехами. Сейчас завод полностью был переориентирован на выпуск военной продукции. Из его механосборочных цехов выходили «тридцатьчетверки» и другие танки.

Гвардии старшина Стеценко нашел административный корпус, в котором размещалось конструкторское бюро. Здесь на входе ему снова пришлось предъявить документы. После придирчивого досмотра его пропустили внутрь.

– Я – главный конструктор Гриневич Петр Соломонович, – представился молодой человек в очках с круглыми стеклами в железной оправе. – Мы так рады, что вы присоединитесь к нам в испытаниях нового танка!

– Ну-ну, – только и ответил гвардии старшина. – Только вот у меня еще и предписание в школу младших командиров.

– Так это тоже при нашем же заводе! Так что будете совмещать.

– Есть!

– Мы тут ведем тематику совершенно нового танка! Вы ведь воевали на легком танке?

– Так точно. На Т-50, хорошая машина.

– Да-да! Я работал в Москве вместе с Николаем Александровичем Астровым, создателем этого и еще многих других танков. Теперь эту тему передали сюда, в Сталинград. И мы уже близки к завершению. Вот, посмотрите. – Конструктор развернул перед старшиной листы «миллиметровки» с чертежами новой машины. Новая боевая машина походила на легкий танк Т-70, только башня была другой и вместо пушки были установлены два крупнокалиберных пулемета Дегтярева – Шпагина.

Гвардии старшина хмыкнул. Ну-ну, посмотрим, что из этого выйдет.

Гвардии старшине еще предстояло где-то найти себе угол. Но сначала он зашел в военно-учетный отдел завода. Там Степан Никифорович сдал необходимые документы старшему лейтенанту-артиллеристу.

– А где тут на постой можно встать?

– Можно – в заводской общаге, но там сейчас яблоку негде упасть, много эвакуированных, – ответил старлей, поправляя пустой левый рукав неновой, но чистой гимнастерки с подшитым подворотничком. – Я бы тебе, земляк, присоветовал бы поискать угол где-нибудь в городе у сердобольной вдовушки.

Старлей подмигнул.

– А где тебя так?

– В сорок первом, под Киевом.

– Ну, бывай.

Гвардии старшина Стеценко шел по огромному городу и диву давался. За почти два года войны, а до этого – и еще около года, старый солдат отвык от нормальной мирной жизни.

А тут – высились пятиэтажные здания, по широким проспектам ездили автомобили, ходили рейсовые автобусы и троллейбусы. На одноколейке Ладужской улицы позвякивали на рельсах трамваи. На тротуарах тоже было довольно много народа, несмотря на будний день.

На площади возле старого, еще дореволюционного вокзала работал белоснежный фонтан с хороводом детишек вокруг поднявшего голову крокодила.

Вся Волга была заполнена плотами, весельными лодками, небольшими баркасами, колесными пассажирскими пароходами. Но почти все они были мобилизованы – на носу и корме были установлены зенитные пулеметы или легкие пушки. Среди гражданских посудин сновали хищные шуки бронекатеров Волжской флотилии.

Перед войной население Сталинграда составляло около полумиллиона жителей. Это был один из крупных промышленных центров, а также важнейший транспортный узел. Выплавка чугуна и стали из руды, которая доставлялась по широкой и полноводной Волге на баржах. Тракторы и танки, катера и буксиры, различные детали и агрегаты выпускались на заводах Сталинграда. Промышленность Сталинграда обеспечивала вооружением и боеприпасами практически весь Южный фронт.

С началом войны город на Волге стал крупным тыловым центром, куда стекались люди и техника из эвакуации. Сюда, в приволжскую степь, эвакуировались целые заводы, сотни и тысячи тонн грузов, станков, оборудования. Население Сталинграда выросло почти до миллиона человек. Город бурлил. На рынках торговали сахарными астраханскими арбузами – как раз сезон подошел, овощами, фруктами, воблой, пивом из огромных бочек.

Но грозные приметы были повсюду. К вечеру огромный город на волжских берегах погружался во тьму светомаскировки, по ночам к Сталинграду прорывались отдельные бомбардировщики Люфтваффе, сбрасывали бомбы. Повсюду в парках и скверах раскачивались замаскированные стволы зениток. А на плоских крышах домов устанавливали счетверенные зенитные «Максимы» и крупнокалиберные «ДШК». В город были стянуты значительные силы ПВО. Этим командование старалось компенсировать слабость истребительного прикрытия.

Уже 1 января 1942 года над Сталинградом был сбит первый немецкий бомбардировщик. Начались налеты одиночных самолетов, а в ночь на 23 апреля в авианалете участвовало около полусотни бомбардировщиков 4-го Воздушного флота Люфтваффе. Кроме фугасок они сбросили еще и около полутора тысяч зажигательных бомб.

К весне все окна домов были оклеены крест-накрест бумажными лентами, а светомаскировка во всех домах появилась еще раньше. К лету уже в каждом дворе были вырыты и бомбоубежища.

Над Авиагородком, где был аэродром, постоянно гудели тяжелые транспортные самолеты. А за широкой балкой и крутым оврагом, совсем недалеко, находился большой и высокий зеленый холм с водонапорными башнями. На штабных картах он обозначался как «высота 102». Мамаев курган.

По улицам маршировали «коробки» пехотинцев, залихватски чеканили шаг морские пехотинцы с самозарядными винтовками на ремне и с гитарами за спиной. На пристанях разгружались баржи с пополнением и припасами. К Сталинграду стягивались потрепанные в боях войска. Здесь полки, в которых оставалась едва ли сотня человек личного состава, проходили переформирование, отдыхали, пополняли запасы провизии и боеприпасов.

Но, несмотря на грозные предзнаменования, город цвел в зелени садов. Туда, на местную «слободку», направился и гвардии старшина Стеценко. Обходя дворы, солдат приметил небольшую избушку, около которой колола дрова невысокая женщина средних лет. Несмотря на худоватую фигуру, с топором она управлялась умело.

- Доброго дня, хозяйюшка!
- Здравствуй, солдат.
- С дровишками подсобить?
- Давай.

Степан Никифорович толкнул калитку. Скинул гимнастерку и молча забрал у хозяйюшки топор. Сухие поленья разлетались под сильными, хорошо поставленными ударами.

- Водички не принесешь, хозяйюшка?
- А может, молочка? У меня пара коз, и молоко свое, парное.
- Не откажусь! Звать-то тебя как?
- Варвара Захаровна...
- Варюша, значит. А на постой у тебя можно встать, красавица?

– Только что была просто – хозяйюшка, а теперь уже и красавица! – фыркнула молодая женщина.

– Присмотрелся получше!.. – ответил Степан Никифорович, делая большой глоток прохладного свежего молока.

– Ладно уж, оставайся. Я тебе на лавке постелю.

Войдя в дом, солдат развязал вещмешок.

– Это тебе от доблестной Красной Армии! – Он достал сухпак, выданный на дорогу: полторы буханки черного хлеба, кусок сала, несколько банок канадской «лендлизовской» тушенки.

– Доблестной? Ой ли!.. Так чего ж сейчас эта «доблестная» драпает от немца снова?! Ради того мой муж голову под Москвой сложил, чтобы фашистские гады в мой дом пришли?!

– Извини, хозяйюшка, я бы сейчас сам бы стоял насмерть. Да вот приказ мне другой вышел. Но все равно – зубами буду грызть фашистских гадов! И не только я один.

– Ладно, и ты прости меня, солдат... Просто тошно стало. Оставайся.

19 мая 1942 года немецкая армия перешла в контр-наступление под Харьковом. Мотомеханизированные части вермахта охватили армию маршала Василевского, – второе наступление на Харьков провалилось. Полмиллиона красноармейцев были убиты или попали в плен. Немцы подловили наши войска на опережающем ударе. Следствием этого стал прорыв советской обороны на юго-восточном направлении. В начале июня 1942 года гитлеровцы захватили Воронеж, двинули войска на Ростов-на-Дону. Вермахт рвался в междуречье Дона и Волги.

Красная Армия откатывалась по выжженной степи между Доном и Волгой. Стояло иссушающе-жаркое лето 1942 года, лето, которое давало слишком мало дождя, слишком мало влаги. Но выжженная равнина была обильно полита человеческой кровью. Русские сопротивлялись отчаянно, но разрозненные, измотанные и обескровленные части, зубами вгрызающиеся в каменистую землю, могли только замедлить продвижение мотомеханизированных колонн вермахта. Сталинград – вот та точка на карте, которая приковывала внимание и простых солдат, и их командиров, вплоть до высшего командования, по обе стороны линии фронта.

Глава 3

Большие возможности маленького танка

Знаменитая «тридцатьчетверка» стала символом Великой Отечественной войны с самых первых грозных ее дней. Но правда такова, что средний танк Т-34 в начале войны был не самым распространенным. Причин тому – великое множество. Это и просто чудовищные потери первых двух месяцев войны – достаточно вспомнить масштабное сражение в треугольнике Луцк – Дубно – Броды. Потери бронетанковой техники Красной Армии были огромны и росли с каждым днем. Кроме того, заводы эвакуировались на восток, и пока еще производство развернется на новом месте – пройдут недели и месяцы. Даже в условиях жесткой командно-административной системы военного времени требуется время для очень и очень многого. Разместить оборудование, людей, возвести здания цехов и необходимую инфраструктуру, наладить снабжение... И еще много всего, что необходимо сделать для нормального функционирования огромного промышленного предприятия.

А легкие танки были более технологичны, что в жестких условиях эвакуации было немало важно. Да к тому же в начале войны еще были сильны взгляды, согласно которым броня и огонь должны служить прикрытием пехоты. Все же эволюция взглядов на военное искусство происходит не сразу и не вдруг. Время масштабных, заранее спланированных танковых сражений было не за горами. И в этом случае легкие танки оказались незаменимы. К тому же в Красной Армии кроме общепринятых в то время трех классов бронированных боевых машин – тяжелых, средних и легких – существовал и еще один тип – так называемые малые танки.

Собственно, это были танкетки с вращающимися башнями. Их роль сводилась к разведке, форсированию водных преград, обеспечению огневой поддержки передовым отрядам. В некоторых моментах боя такая огневая и броневая поддержка для пехоты значит очень многое.

В Советском Союзе конструированием легких и малых танков занимался Николай Александрович Астров. После окончания Московского электромашиностроительного института в 1928 году он стал конструктором на Московском электрозаводе. В 1929–1930 годах работал ассистентом в Московском электромеханическом институте.

В 1930 году Николай Астров был арестован по ложному обвинению. С декабря 1931 по май 1934 года работал инженером-конструктором, затем начальником (уже в качестве вольнонаемного) Автотракторного КБ Технического отдела Экономического управления (ТО ЭКУ) ОГПУ. Это была типичная «шарашка» того времени, где на полутюремных условиях под контролем ОГПУ работали конструкторы различных специальностей. Более благозвучно она называлась Подольским филиалом Автотракторного ОКБ Ижорского завода; конструкторское бюро «КБ-Т».

В эти годы Астров в качестве ведущего конструктора, вместе с заключенными-специалистами, осужденными по делу «Промышленной партии», работал над первыми советскими плавающими колесно-гусеничными танками ПТ-1 и ПТ-1А, принимал непосредственное участие в разработке среднего трехбашенного колесно-гусеничного танка Т-29.

В 1934 году после расформирования «шарашки» Астров был назначен главным конструктором Московского завода № 37, где под его руководством в 1935 и 1939 годах были созданы малые плавающие танки Т-38 и Т-40. В 1941 году были построены легкие танки Т-30 и Т-60, гусеничный полубронированный артиллерийский тягач Т-20 «Комсомолец».

Вскоре после начала войны тридцатипятилетнего Астрова назначили заместителем главного конструктора завода по танкостроению. Но свой рабочий стаж на Горьковском автозаводе Николай Астров исчислял с середины августа 1941 года, когда приехал в Горький из Москвы,

управляя танком Т-60 собственной конструкции – из первой опытной партии. На броне были закреплены тросами две дополнительные бочки с бензином.

За создание легких танков Т-40 и Т-60 в начале 1942 года Николай Астров был удостоен своей первой Сталинской премии. С самим Иосифом Сталиным Николай Александрович общался девять раз. И не было случая после самой первой встречи, которая состоялась осенью 1933 года на демонстрации астровского плавающего танка ПТ-1, чтобы вождь, завидев Николая Александровича, непременно не подчеркивал: «Товарищ Астров, я вас помню!». Астров считал, что только одно слово Сталина: «Продолжайте», сказанное в 1933 году, оградило его от последующих репрессий. Дело в том, что еще в 1919 году его отцу, преподавателю Московского высшего технического училища, и брату инкриминировали участие в контрреволюционном заговоре, и они были расстреляны, а Николая вместе с матерью выслали из Москвы.

В Горьком Николай Астров руководил созданием легких танков Т-70 и Т-70М, Т-80, самоходки СУ-76М и ряда других опытных образцов танков и самоходок ⁸.

Конструкции Николая Астрова отличались простотой и эффективностью. Легкий танк Т-70 прошел всю войну и вместе с легкой самоходкой СУ-76 стал надежной опорой пехоте.

* * *

Легендарные «тридцатьчетверки» и непобедимые «Клим Ворошилов» сводились в танковые полки, бригады, дивизии и армии. Это был бронированный кулак Ставки Верховного Главнокомандования, основа мощи Красной Армии. А вот пехоте нужны были простые и эффективные машины, которые могут поддержать огнем пушки и пулемета. И легкие боевые машины Николая Астрова весьма эффективно взаимодействовали с красноармейцами.

И если «в чистом поле» легкий танк весьма уязвим для немецких противотанковых пушек и «Ягдпанцеров», то в городе ситуация меняется с точностью до наоборот. Бронированный «бегемот» КВ-1 при всей своей огневой мощи и «неубиваемости» на узких улочках, что слон в посудной лавке. Его и подбивать особо не надо: снесет стену двухэтажки, а та на него же и обрушится. . .

А вот легкий Т-50 или Т-70 с полуавтоматической «сорокапяткой» в башне и спаренным пулеметом для вражеской пехоты был гораздо страшнее. К тому же к 1942 году уже худобедно, но наладили выпуск дорогущих броневой снарядов с карбидвольфрамовым сердечником и кумулятивных снарядов, которые прожигали броню направленным взрывом. А осколочно-фугасные и шрапнельные боеприпасы были в боекомплекте 45-миллиметровой танковой пушки «20К» всегда.

Многие танкисты воспринимали легкие танки с иронией, но только не гвардии старшина Стеценко. Степан Никифорович прошел ледяной ад ржевско-вяземской мясорубки и выжил. Он воевал на легком танке Т-50, лучшей боевой машине этого класса во всей Второй мировой войне. По совокупности огневой мощи, подвижности и бронезащиты ему не было равных. Надежность конструкции тоже не вызывала сомнений.

Сейчас гвардии старшине Стеценко приходилось много и упорно учиться. Это было непросто, но таков был боевой приказ, а приказы нужно выполнять. Но опытному воину к тому же было интересно. Днем он штудировал спецификации на новые танки в конструкторском бюро при заводе. А потом еще и учился в школе младших командиров. В принципе оба эти курса взаимно дополняли друг друга: устройство легких танков и тактика боевого применения.

Для начала Степан Никифорович осваивал легкий танк Т-70. Для старого, опытного танкиста это было не так уж и сложно. Ходовая часть была проще, чем у «пятидесятки», унасле-

⁸ Всего, до ухода на пенсию в 1985 году, Н. А. Астровым было создано 26 типов боевых машин пяти семейств, принятых на вооружение Советской Армии.

дованной от его предшественника, легкого танка Т-60. Подвеска машины – индивидуальная торсионная без амортизаторов для каждого из пяти опорных катков.

Броневая защита легкого танка Т-70 была дифференцированной и защищала только от пуль. Лобовые и кормовые бронеплиты имели рациональные углы наклона, борта вертикальные.

Гораздо больший интерес для механика-водителя представляла силовая установка легкого танка. Она состояла из спаренных рядных шестицилиндровых карбюраторных двигателей жидкостного охлаждения ГАЗ-202. Это была дефорсированная танковая версия автомобильного двигателя ГАЗ-11. Уменьшение мощности было сделано для увеличения надежности работы и повышения ресурса мотора. В итоге максимальная суммарная мощность спаренных моторов силового агрегата достигала 140 лошадиных сил при 3400 оборотах в минуту. На оба двигателя ставились карбюраторы типа «М». Системы зажигания, смазки и подачи топлива были свои у каждой «половинки» силового агрегата. В системе охлаждения водяной насос был общим, но водомасляный радиатор был двухсекционным, каждая секция отвечала за обслуживание своего двигателя.

На взгляд Степана Никифоровича, «спарка» из двух моторов была не слишком уж надежной, как всякая составная система. Не шибко нравилось ему и соединение коленвалов обоих двигателей муфтой с упругими втулками. Но зато если один из моторов будет поврежден, то второй может «вытащить» подбитый танк с поля боя.

Вообще-то переднее расположение трансмиссионного отделения, то есть ведущих колес, приводило к повышенной их уязвимости, ведь именно передняя оконечность танка больше всего подвержена обстрелу вражеских противотанковых пушек. С другой стороны, в отличие от «Клима Ворошилова» и «тридцатьчетверок», у Т-70 топливные баки находились вне боевого отделения в отсеке за броневой переборкой. Это снижало пожароопасность при поражении танка, которая была особенно высока для машины с бензиновым двигателем. К другим преимуществам выбранной для Т-70 компоновки можно отнести небольшую высоту и общую массу танка. Как следствие, возрастали динамические характеристики танка, и для него не требовался мощный специализированный двигатель.

Экипаж «семидесятки» состоял из двух человек – механика-водителя и командира танка.

Легкий Т-70 был сравнительно новой машиной в Красной Армии, опытный образец нового танка ГАЗ-70 был собран 14 февраля 1942 года и отправлен в Москву для показа и испытаний. В январе 1942 года Т-70 был принят на вооружение РККА, а его создатели – конструкторы Астров и Липгарт – стали лауреатами Государственной премии СССР.

А уже шестого марта 1942 года постановлением № 1394сс Государственного комитета обороны за подписью Иосифа Сталина новый танк был принят на вооружение Красной Армии под обозначением Т-70. В том же документе содержался приказ ГАЗу начать серийное производство «семидесятки». В процессе серийного выпуска легкого танка Т-70 был задействован не только ГАЗ, но и многие другие предприятия Поволжского и Вятского регионов страны.

Начиная с лета 1942 года легкие танки Т-70 принимали активное участие в боях Великой Отечественной войны. И прежде всего на подступах к Сталинграду.

По массовости, а всего было произведено 4883 машины, Т-70 в 1942 году занял второе место после «тридцатьчетверки». Легкий танк как нельзя лучше подходил для разведки боем, поддержки пехоты, для действий в лесисто-болотистой и резко пересеченной местности, недоступной другим танкам. Низкий силуэт и бесшумный двигатель делали Т-70 незаметным для противника, а высокая скорость и маневренность позволяли экипажам Т-70 поражать вражеские танки бронбойными снарядами в борт и корму.

Гвардии старшина Стеценко учился упорно, он знал, что новые навыки понадобятся уже совсем скоро.

В один из дней почти всех рабочих Сталинградского тракторного завода собрали на митинг. Перед ними выступил парторг.

– Товарищи! Сейчас наши доблестные войска сражаются в излучине Дона и Волги. В каменистых, иссушенных зноем степях красноармейцы наносят смертельные потери фашистскому зверю!

Обычных в таких случаях аплодисментов не последовало. Рабочие напряженно ждали, что же скажет парторг. Он был свой парень – работал в ремонтно-механическом цехе бригадиром слесарей-ремонтников оборудования. И никогда по его вине или вине его ребят ни один станок на заводе не ломался. А все поломки слесари из бригады парторга устраняли в самые кратчайшие сроки. Ему работяги верили.

– Я хочу вам рассказать об одном бое, который состоялся позавчера. Батальон морской пехоты 154-й Морской стрелковой бригады занял оборону на заранее выбранном рубеже в излучине Дона. Против него фашисты бросили целый пехотный полк при поддержке танков. Командир батальона морской пехоты старший лейтенант Иван Назарович Рубан разделил свой батальон на три группы. Используя одну из них как приманку, смелый командир заманил крупные силы гитлеровцев в засаду. После чего две остальные группы морских пехотинцев отважно атаковали врага. В ходе упорного и жестокого боя батальон старшего лейтенанта Рубана уничтожил более двухсот солдат противника. Действуя смело и решительно, морские пехотинцы подбили семь танков противника⁹.

На этом рубеже гитлеровцы были остановлены. Смерть фашистским оккупантам! Ура, товарищи!

– Ура!!!

После речи рабочие поклялись работать так же самоотверженно, как сражаются на огневых рубежах защитники Сталинграда. Фронт пролегал не только по жаркой каменистой степи, но и через цеха и производственные линии заводов Сталинграда¹⁰.

* * *

После митинга гвардии старшина Стеценко с новыми чувствами приступил к освоению легкого танка.

Настал черед практики. Вождение он и так сдал на отлично, ничего нового для него в этом не было.

Но потом он пересел в башню. Здесь было тесно: одновременная стрельба из 45-миллиметровой пушки и спаренного с ней пулемета была невозможна. При стрельбе возникли определенные сложности, так как ось вращения башни не совпадала с плоскостью продольной симметрии машины, потому что по правому борту танка был установлен двигатель.

Но зато обзор с командирского места был даже лучше, чем в Т-50. В крышке башенного люка был установлен поворотный смотровой зеркальный прибор – это было сделано впервые на советских легких танках. В свою очередь, в люке был небольшой лючок для внешней сигнализации с помощью флажкового семафора.

⁹ За этот бой старший лейтенант морской пехоты Иван Назарович Рубан, впоследствии – подполковник, был удостоен ордена Александра Невского за номером 1.

¹⁰ Предваряя критику в свой адрес по поводу партсобраний, хочу заметить, что во времена Великой Отечественной войны именно Коммунистическая партия играла огромную роль в социальной жизни как на фронте, так и в тылу. И зачастую – без всякого принуждения со стороны партийных работников. Тогда люди действительно верили своей стране, чего так не хватает сейчас.

* * *

Освоив легкий танк Т-70, гвардии старшина Стеценко начал переучиваться на совершенно новый тип боевой машины. Легкий зенитный танк Т-90 стал развитием «семидесятки»: была улучшена ходовая часть, изменено бронирование, установлена новая башня. Полуавтоматическая «сорокапятка» «20К» была демонтирована вместе со спаренным пулеметом «Дегтярев-танковый».

Вместо этого в новой башне была установлена «спарка» крупнокалиберных пулеметов «ДШК» для стрельбы по воздушным целям.

Гвардии старшина Стеценко сначала с явным недоверием отнесся к отказу от пушки, пока лично не пострелял из спаренных пулеметов «ДШК» на полигоне. Тяжелые пули весом 52 грамма с легкостью крошили кирпичные стенки и пробивали борта трофейных немецких броневиков и легких танков. Их специально расставили по полигону для придания реалистичности испытаниям. Сроки были сжаты до предела, и для обучения и освоения новой техники использовали все средства.

Что подобные пули могут сделать с немецкой пехотой, воюющей с еще Финской танкист понимал прекрасно.

«Спарка» крупнокалиберных пулеметов снабжалась массивными дисковыми магазинами на тридцать патронов. В определенной степени это был шаг назад, поскольку именно из-за такой неудобной и громоздкой системы зарядания «Дегтярев-крупнокалиберный» и не был сначала принят на вооружение.

Каждый 12,7-миллиметровый патрон весил около ста пятидесяти граммов, а в диске их – три десятка. И общий вес составлял восемь половиной килограммов. А перезаряжать их нужно было не просто быстро, а очень быстро и практически «на автомате». У Степана Никифоровича перспектива таскать в одиночку тяжеленные патронные диски, и – в темпе, также энтузиазма не вызывала. Но для лент на полсотни патронов каждая в небольшой башне легкого танка просто не было места. Правда, сейчас пулеметы устанавливались с новой, более совершенной системой подачи патронов, поэтому и темп стрельбы был достаточно высок. Боекомплект крупнокалиберных пулеметов составил 480 патронов в шестнадцати дисковых магазинах.

Для сбора стреляных гильз справа от командира на вращающемся полу боевого отделения размещался ящик-сборник, в который они отводились при помощи матерчатых гибких рукавов – гильзоуловителей.

Дополнительно в башне легкого танка укладывался пистолет-пулемет «ППШ» с боекомплектом 213 патронов в трех дисках и дополнительно к нему – десять «лимонок» – ручных гранат «Ф-1».

Для стрельбы по воздушным целям «спарка» «ДШК» оснащалась коллиматорным прицелом «К-8Т». А по наземным целям командир танка целился с помощью телескопического прицела «ТМФП».

Со стрельбой по воздушным целям было похуже. Здесь главным было не умение, коего у опытного солдата было в достатке. Важны были знания: все эти мудреные арифметики и тригонометрии. Подготовленных специалистов катастрофически не хватало. На худой конец сгодились бы и студенты. Да вот только где их взять? Сгинули уж, поди, давно в яростных и смертельных штыковых атаках. С «мосинкой» и десятком патронов на нос много ли навоеешь?... Лежат теперь те студены в братских могилах – хоть на немного, но замедлили вы, ребята, продвижение стальной фашистской гадины.

Учиться теперь приходилось Степану Никифоровичу Стеценко, как говорится: «за себя и за того парня». В училище младших командиров преподавали тактику боевого применения танковых подразделений, радиодело, военную топографию. А поскольку танк был зенитным, то

подготовку младших командиров бронетанковых войск совместили с зенитной. Степан Никифорович заучивал силуэты немецких и наших самолетов, твердил характеристики «Мессершмиттов», «Юнкерсов» и «Хейнкелей». Скорость, максимальный потолок, бомбовая нагрузка, вооружение, количество членов экипажа. Голова гудела от перенапряжения больше, чем уставало тело. Но Степан Никифорович не унывал: опытный воин знал цену умениям и знаниям, только они помогали ему выжить до сих пор. И не только выстоять в смертельных боях, но и раз за разом побеждать хитрого и умелого противника.

Дома он помогал Варваре по хозяйству: колол дрова для печки, носил воду из колодца, чинил что-то в доме. Поправил крышу, сработал полки, даже прохудившуюся крышу починил.

Между тем приметы грядущей беды проступали все более отчетливо.

Оборонительные бои за Сталинград начались 17 июля 1942 года. А уже в ночь на 23 июля к городу сквозь зенитные заслоны противовоздушной обороны прорвались восемнадцать немецких самолетов. Стервятники Вольфрама фон Рихтгофена бомбили Тракторный завод и поселок возле него, а также Дзержинский район – там было разрушено несколько домов, убито и ранено около сотни человек.

После гитлеровцы стали совершать методичные, почти ежедневные налеты – уже сотнями самолетов, и над Сталинградом стали поднимать аэростаты заграждения. Серые продолговатые «пузыри» повисли над городом. Это вынудило пилотов Люфтваффе поднять высоту бомбометания из-за опасности столкнуться с тросом или самим аэростатом. В Люфтваффе еще два года назад, во время битвы за Британию, использовались немецкие бомбардировщики со специальными «противоаэростатными» ножами на крыльях и фюзеляже перед кабиной пилотов. Этими ножами подрезались тросы аэростатов заграждения. Однако над Сталинградом такие самолеты не применялись.

В один из дней Степан Никифорович отпросился с завода, там шла какая-то техпроверка, и в нем надобности не было. Начальник отдела выписал ему пропуск на выход с территории завода. Стеценко забежал в столовую, чтоб не стоять в очереди, и забрал паек – хотел отнести домой Варе.

Но только он подошел к дому, как над городом взвыла сирена. «Внимание-внимание! Воздушная тревога!» – доносилось из громкоговорителей. Потом из черной тарелки громкоговорителя слышались только периодические щелчки, они означали, что радио в порядке.

Как только начало щелкать, Степан Никифорович спрыгнул в ближайшую из траншей, таких траншей и щелей было во множестве вырыто во всех дворах и на обочинах улиц.

Вскоре отдаленный грохот возвестил о начале очередной бомбежки. Немецкие самолеты разделились на две группы и сбрасывали бомбы с большой высоты.

На севере бомбили его родной СТЗ, заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». А на юге – Сталинградскую гидроэлектростанцию, элеватор, судоремонтный завод. От гулких ударов качалась и сотрясалась земля, по стенкам траншеи скатывались пыльные ручейки.

Вдруг гул раздался, казалось, прямо над головой, черная крылатая тень заслонила солнце. Степан Никифорович весь сжался, кляня себя за малодушие. Да-да – видели вы когда-нибудь над своей головой занесенный топор палача? Сможете ли вы в такой миг сохранить самообладание?... Над сталинградцами этот топор палача с крыльями и свастикой был занесен в те дни постоянно.

Но вместо бомб на этот раз посыпались листовки.

Гул понемногу смолкал, уходя на запад. Вместо него с ясного безоблачного неба пришел раздражающий комариный зуд. Над горящим городом медленно и неторопливо, с немецкой обстоятельностью, кружил двухфюзеляжный разведчик «Фокке-Вульф» Fw-189. Степан Никифорович поднялся со дна окопа и погрозил ему кулаком – проклятая «рама»! Она летала на большой высоте, медленно и важно, иногда кружась на одном месте, высматривая и фотографируя поточнее результаты бомбежки.

Зенитным огнем ее было не достать.

Степан Никифорович знал, что этот внешне неуклюжий самолет был хорошо вооружен и имел прекрасный обзор и спереди, и сзади, так что подобраться к «раме» нашим истребителям было очень трудно. Сволочь!

Выбираясь из порядком осыпавшейся траншеи, Стеценко подобрал одну из листовок. На листке бумаги был изображен советский солдат, втыкающий штык своей винтовки в землю. Листовка так и называлась: «Штык в землю!»! Такие листовки призывали наших солдат сдаваться в плен и, как на них было написано на русском и немецком языках, являлись пропуском к немцам. Содержание листовок гласило: «Русские солдаты! Позади вас Волга. Скоро всем вам – буль-буль! Не слушайте жида-политрука. Не читайте Эренбурга! Он проливает только чернила, а вы свою кровь. Сдавайтесь в плен, и вы спасете себя. Выходите ночью к нам. Вам достаточно лишь крикнуть: «Сталин капут! Штык в землю!».

Гвардии старшина Стеценко горько усмехнулся. Для многих советских граждан, воспитанных в духе патриотизма, сдача в плен была немыслимым поступком – позором. Но он видел, как сдавались в плен целыми подразделениями, как красноармейцы стреляли по десертирам и трусам. Тогда, в проклятом июне сорок первого, в неразберихе и бардаке трудно было собраться и воевать. И все это стоило Красной Армии тысяч солдат – убитых, раненых и плененных.

А в Сталинграде в конце июля уже поползли самые невероятные слухи: «Немцы на Дону!», а это всего 60–70 километров к западу. «Немцы под Красноармейском и скоро выйдут к Волге!» – а это уж и вовсе рядом, на юге.

Надежда была, что на оборонительных укреплениях, которые начали строить еще с осени 1941 года и усиленно продолжали достраивать в сорок втором году, немцев уж точно остановят. Но остановят ли...

Но в целом сталинградцы относились ко всем этим слухам весьма спокойно, если даже не сказать скептически. Вот такой парадокс: на пристанях эвакуируемые затаптывали людей насмерть, а в самом Сталинграде на слухи о приближении гитлеровцев реагировали спокойно.

А дело с кажущимся противоречием разрешалось весьма просто. Бежали из Сталинграда как раз те, кто уже эвакуировался из Украины, Молдавии, европейской части России... Они уже знали на собственном горьком опыте о том, как накатывают беспощадные волны захватчиков. Как воют пикировщики над незащищенным эвакопоездом... А вот коренные сталинградцы как раз готовились к обороне города.

К тому же 19 июля Сталинградский обком партии принял решение «О борьбе с распространением слухов».

Кроме этого, лично Иосиф Сталин обратился к горожанам и армии: решительно покончить с эвакуационными настроениями – ни о какой эвакуации заводов не может быть и речи! Необходимо повышать темпы выпуска танков, пушек, снарядов, вести решительную борьбу с трусами и паникерами.

В конце своего выступления Сталин добавил: «Сталинград не будет сдан»!

В домике никого не было. Гвардии старшина Стеценко оставил продукты в чулане. А молодая хозяйка была мобилизована. Целыми днями она была на «земляных работах» – так сталинградцы называли мобилизацию на строительство укреплений вокруг родного города.

Цепи противотанковых рвов и окопов, проволочных заграждений и стальных «ежей» опоясали подступы к Сталинграду. Их начали строить еще с осени 1941 года и продолжали достраивать в сорок втором. На этих работах были задействованы все гражданские из города и всей Сталинградской области вместе с саперными подразделениями.

Рубежей было три: внешний обвод на западе шел по реке Дон, средний – частично по реке Малая Россошка, а внутренний оборонительный рубеж был создан на подступах к самому городу.

Сотни тысяч тонн каменистой земли перевернули руки сталинградцев, чтобы создать оборонительные рубежи для красноармейцев. По восемь – десять часов под палящим солнцем с лопатами и кирками в руках они долбили и рыли плотный каменистый суглинок.

* * *

И вскоре гвардии старшему сержанту Степану Никифоровичу Стеценко довелось принять первый бой на этих рубежах.

Как уже сказано было ранее, курсы младших командиров Степан Никифорович совмещал с работой в экспериментальном отделе КБ легких танков Сталинградского тракторного завода. А поскольку он был зенитчиком, то послали его в сопровождение колонны новеньких заводских «тридцатьчетверок» на пулеметной установке противовоздушной обороны.

Это была обычная «полуторка», в кузове которой был установлен крупнокалиберный пулемет «ДШК», оснащенный коллиматорным прицелом для стрельбы по воздушным целям.

В отличие от танковой установки со спаренными пулеметами, в кузове монтировался одиночный ДШК. Гвардии старший сержант уже достаточно изучил этот пулемет, это было весьма грозное оружие.

Задание на создание первого советского крупнокалиберного пулемета, предназначенного в первую очередь для борьбы с самолетами на высотах до 1500 метров, было выдано к тому моменту уже весьма опытному и хорошо известному оружейнику Дегтяреву в 1929 году. Меньше чем через год конструктор создал пулемет калибра 12,7 миллиметра, а с 1932 года началось мелкосерийное производство пулемета под обозначением ДК: «Дегтярев-крупнокалиберный». Это оружие в целом повторило по конструкции ручной пулемет «ДП-27». В частности, он имел питание из отъемных барабанных магазинов на тридцать патронов. Барабаны устанавливались на пулемет сверху. Они были громоздкими и очень тяжелыми, а скорострельность с их использованием была низкой. Поэтому в 1935 году выпуск крупнокалиберного пулемета Дегтярева был прекращен. А сам конструктор работал над его усовершенствованием. К 1938 году другой конструктор, Шпагин, разработал новый модуль ленточного питания для крупнокалиберного пулемета Дегтярева. И в 1939 году усовершенствованный пулемет был принят на вооружение РККА под обозначением «12,7-миллиметровый крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина образца 1938 года – ДШК».

Массовый выпуск «ДШК» был начат в 1940–1941 годах. Они использовались практически везде на фронте, где нужна была высокая плотность огня, пробиваемость и мощь тяжелых пуль. Крупнокалиберные пулеметы Дегтярева – Шпагина использовались в качестве зенитных, как оружие поддержки на колесном станке. Его устанавливали на бронетехнику, в тумбовом варианте – на малые корабли, торпедные катера и бронекатера.

Такой пулемет вызывал у Степана Никифоровича совершенно искреннее уважение. По его мнению, если и существовал пулемет, достойный занять место в башне легкого танка, так это – именно «ДШК», даже его «спарка»! Старый опытный танкист изучил его досконально. А теперь пришло время испытать знания на практике.

* * *

Колонна «тридцатьчетверок» пылила по приволжской степи в сторону Малой Россоски, танки прикрывал обильный зенитный дивизион – три «полуторки» с установленными на них пулеметами. Две из них были оснащены зенитными модификациями «ДШК», а в кузове третьего грузовика была счетверенная установка пулеметов «Максим». Степан Никифорович сидел на месте наводчика-оператора зенитной установки крупнокалиберным пулеметом. Концентрическая сетка прицела перечеркнула предрассветное небо. На востоке, за спиной гвардии

старшины, уже оказался медово-белый край огненного диска. Рассвет сулил огонь не только в переносном, но и в прямом смысле. И огонь с небес не замедлил явиться – на крыльях с паучьими крестами.

Ночью над Сталинградом проносились одиночные самолеты – высотные разведчики – «Дорнье» Do-217. Но для крупнокалиберных пулеметов, а тем более – для счетверенных «Максимов», эти тяжелые двухмоторные самолеты были слишком уж недосягаемыми. Пилоты Люфтваффе рисковать не любили и вели разведку с большой высоты.

Но вот то, что появилось в небе в противоположной от встающего солнца стороне, шло на малой высоте. Знакомый до ненависти вой пикировщиков. Рывком на малой высоте они прорывали внешний оборонительный рубеж Сталинграда. Но там как раз зенитных средств было сравнительно мало. Основные средства ПВО: зенитные батареи, звукоулавливающие и прожекторные установки, пулеметы и немногочисленные истребители – были сосредоточены гораздо ближе к городу. Основной упор был сделан на прикрытие переправ через Волгу.

Услышав вой пикировщиков, передовой дозор передал сигнал тревоги командиру танковой колонны. «Тридцатьчетверки» стали рассредоточиваться, боевые машины останавливались, а их экипажи принимались за маскировку. Казалось, здесь, на открытой местности, и спрятаться-то толком негде. Ан нет... Хочешь выжить – учись этой непростой науке даже у врага.

Зенитные «полуторки» тоже остановились, но только не за тем, чтобы спрятаться. Не хотели выдавать себя шлейфами пыли. Командир установки, на которой за наводчика был гвардии старшина, поднес бинокль к глазам.

– Идут, голубчики! Три фрица, господа бога их мать!.. Приготовиться: двести восемьдесят градусов по горизонтали, высота – полторы тысячи. Набрали высоту, гады... – приговаривал молоденький лейтенант.

– К стрельбе готов! – Степан Никифорович взялся за маховики горизонтальной и вертикальной наводки.

Пройдя на бреющем над передовой линией наших окопов, «лаптежники» пошли вверх. Летели тройками: всего двадцать семь самолетов. В наглу: без истребительного прикрытия «мессерами». И хоть бы один наш «ястребок» появился!.. Гвардии старшина выругался сквозь зубы.

Вот «лаптежники» синхронно развернулись и заскользили вниз в пологом пикировании. «Значит, будут бросать мелкие бомбы», – подумал Степан Никифорович. Он уже разбирался в тактике стервятников Геринга: если «Юнкеры-87» пикируют круто, почти отвесно, то значит, будут «класть» 250-килограммовые фугаски. А если идут полого – жди целых «гроздей» мелких осколочных бомбочек. Но от размеров они менее смертоносными не становились. Были еще и бомбы-мины, но пока что они не применялись.

А тем временем первая тройка «Юнкеров-87» уже готовилась сбросить свой смертоносный груз.

– По фашистской сволочи – огонь!

Степан Никифорович рывком довернул маховики наводки и нажал педаль спуска. Загрохотал мощный пулемет, пожирая свинец и медь патронов. Бледные стежки трассеров прошили синий холст неба. Первые очереди прошли выше «лаптежников», нужно было пристреляться. Но все же стервятники Вольфрама фон Рихтгофена прекратили атаку и резко ушли вверх. Следующая тройка так и вообще не стала атаковать, а просто побросала бомбы в степь. Фон-тананы абсолютно бесполезных разрывов взметнулись над каменистой равниной.

– Быстро! Меняем позиции. – Лейтенант был хоть и молод, но уже довольно опытен. Иначе было нельзя в войне с таким коварным и сильным противником.

Грузовики с пулеметами сделали стремительный рывок и снова замерли, скрывшись под «шапками-невидимками» маскировочных сетей. Сети были такими же выгоревшими и пыльными, как и степь вокруг. В них были вплетены пучки травы и ветки.

Остальные пикировщики стали клубиться в стороне, но вот они все же разделились и снова пошли в атаку.

– Сто двадцать градусов по азимуту, высота тысяча двести. Огонь!

– Есть огонь!

Снова огненные трассы скрестились на пикирующих «лаптежниках». Расставив нелепые «ноги», «обутые» в массивные обтекатели, они были сиренами, сбрасывали бомбы и тут же стреляли из пулеметов в ответ. Два 7,92-миллиметровых пулемета MG-17 находились в консолях крыла, и один подвижный пулемет, тоже винтовочного калибра, MG-15 располагался на турельной установке Linsenlafette-Z10d.

Пыльные строчки потянулись к зенитным машинам. Но и пулеметчики отвечали огнем на огонь. Водитель «полуторки» гвардии старшины Стеценко не выдержал: выпрыгнул из кабины и побежал, не разбирая дороги. И тут же коротко вскрикнул, пыльные фонтанчики пулевых попаданий взвихрились вокруг него. Красноармеец упал ничком, прошитый сразу полутора десятками пуль. Алая кровь выплеснулась из его разорванной груди и тут же потемнела, впитываясь в пыльную землю...

Один из «Юнкерсов» Ju-87В потянул над степью, разматывая за собой черный шлейф дыма. Немецкий пикировщик качало из стороны в сторону, видимо, пилот был серьезно ранен. Но все же бомбардировщик еще держался в воздухе.

Самое интересное, что сбила его машина со счетверенной установкой пулеметов «Максим». Вчетверо больше огня и свинца!

Вообще-то пулемет конструкции Хайрема Максима был первым, созданным по схеме с перезарядкой от отвода пороховых газов из канала ствола. И как первое оружие подобной конструкции применялся в самых разных модификациях. «Военная карьера» изделия, которое английская фирма «Виккерс-Армстронг» выпускала под кодом «666», началась еще в Англо-бурскую войну 1900 года¹¹. Он устанавливался и на истребители Первой мировой, на неуклюжие бипланы. И естественно – «максимушка» был использован и в зенитном варианте, для защиты от тех самых аэропланов, а также с зажигательными пулями, для уничтожения наполненных водородом немецких дирижаблей.

А в Красной Армии была даже разработана тачанка с пулеметом Максима, установленным для зенитной стрельбы! Именно этот «чудо-аппарат» и можно считать первой мобильной зенитной установкой. Участвовали ли они в боях крайне противоречивой Гражданской войны – неизвестно. Но вот что совершенно точно – зенитные тачанки участвовали на Красной площади в параде 7 ноября 1930 года.

Счетверенная зенитно-пулеметная установка образца 1931 года отличалась от обычного «Максима» наличием специального устройства принудительной циркуляции воды. Это позволяло еще более эффективно охлаждать ствол при интенсивной стрельбе по воздушным целям. Также пулеметные ленты зенитных «Максимов» отличались большей емкостью: на 1000 патро-

¹¹ В конце XIX – начале XX века европейские пацифисты (да-да, они и тогда были!) даже предъявляли требования полностью запретить пулеметы в военных конфликтах как «негуманное оружие»! Но англичане не хотели терять преимущество, которое им давало это «чудо-оружие». Великобритания первой среди колониальных империй выявила преимущества пулемета и активно стала его использовать в своих «туземных войнах» с повстанцами. Так, в 1893 году в Африке в течение полутора часов отряд из полусотни британских военных, вооруженных винтовками и четырьмя пулеметами, отражал нападения зулусов. Когда бой завершился, англичане насчитали 3000 убитых противников! А в Судане 2 сентября 1898 года в битве при Омдурмане десяти тысячное англо-египетское войско вело бой со стотысячной армией Судана, состоявшей в основном из иррегулярной конницы. Массированным пулеметным огнем атаки суданских всадников были отбиты. Английские части понесли незначительные потери. И кстати, в том бою отличился молодой военный корреспондент Уинстон Черчилль, который лично застрелил из своего «маузера С-96» пятерых неприятелей.

нов вместо обычных 250. Используя зенитные кольцевые прицелы, счетверенная установка была в состоянии вести эффективный огонь по низколетящим самолетам противника до 1400 метров при их скорости до 500 километров в час. А когда было необходимо, счетверенные «Максимы» обращали свой суровый взор и на землю. И тогда фашистской пехоте приходилось совсем туго! Вчетверо больше огня и свинца! А если учесть, что емкость лент увеличена и интенсивность стрельбы тоже – то все, вешайтесь, фрицы!

Отразив воздушный налет стервятников Геринга, колонна «тридцатьчетверок» прибыла к месту сосредоточения. Там заводские экипажи передали грозные боевые машины танкистам из линейного полка. По этому поводу состоялся короткий, но весьма эмоциональный митинг. Танкисты поклялись рабочим Сталинградского тракторного бить гитлеровцев еще беспощаднее и стоять насмерть! А рабочие взяли на себя обязательство увеличить выпуск боевых машин и бороться за качество сборки каждого танка.

А после митинга военные пригласили рабочих-сталинградцев за братский стол. Работяги вначале отказывались, но потом все же отведали полевой кухни. На передовой еда была сытнее: лендлизовская канадская тушенка, наваристый кулеш, молодая картошечка, лучок... Ешь, сколько влезет! А в самом Сталинграде – продуктовые карточки. Конечно, работникам Сталинградского тракторного полагался усиленный паек, но практически все отдавалось семьям и детям. Природа Приволжья была богатой, и почти все коренные сталинградцы кормились со своих огородов. А на рынках можно было не слишком дорого обменять продукты.

Но сейчас в городе находилось втрое больше народу, более миллиона. И все хотели есть.

* * *

– Эй! Чьи эти зенитки? – Майор в пропыленной форме подошел к грузовикам под тентом.

– Мои, товарищ командир, – ответил лейтенант.

– Приказываю вам выдвинуться на рубеж в районе высоты «32.4». – Командир развернул планшет и ткнул пальцем в карту, указывая район.

– У меня откомандированные стажеры с завода...

– Пусть считают себя мобилизованными. Все! Выполнять приказание!

– Есть! Эй, славяне, подъем. Выдвигаемся.

– Товарищ лейтенант, а как же?...

– Считайте себя мобилизованными. Все, отставить разговоры – по машинам!

– Стой! – К лейтенанту-зенитчику подбежал командир танковой колонны, по совместительству – зам главного технолога завода.

– Что такое, мать-перемать?!

– Этих, – он пальцем ткнул на Стеценко и еще нескольких «заводских», – не трогать! У них особая «бронь».

– «У меня «бронь» – меня не тронь!» – горько сплюнул в пыль давешний майор. – А чем мне рубеж держать?!

– Машины – мобилизуй, ну а людей не трогай. Мы и так еле план выполняем, людей не хватает. А те, кто есть, прямо возле станков спят, как вы – в окопах у своих пулеметов да орудий. Ну, пойми ты меня, майор – без них работа станет!..

– Хрен с вами... Но машины я мобилизую!

– Твое право, майор.

Вот так неожиданно и спасся гвардии старшина Стеценко. Именно спасся, потому как было ясно: с того рубежа иначе как на небо не уйдешь. Сколько уже таких рубежей было – от Харькова и вот досюда... До Волги-матушки?...

«Откомиссованным» дали телегу и костлявую лошададку. На ней-то и вернулись в Сталинград уже затемно.

Двоякие чувства обуревали Степана Никифоровича Стеценко. С одной стороны, он честно радовался, что остался жив. Чай не мальчик уже – на митингах горлопанить и рубаху на груди рвать. Нет, погибнуть он не боялся, но вот только предпочитал сделать это в танке, посылая в ненавистную гитлеровскую гадину снаряд за снарядом. И чтобы смерть его была подобна огненной вспышке от детонации боекомплекта танка.

Так погиб под маленьким украинским городком Дубно его командир, Иван Корчагин. Когда их пятибашенный тяжелый танк Т-35 подбили, капитан Корчагин остался прикрывать экипаж. Так он и стрелял, уже в огне, пока не взорвались последние снаряды в боеукладках пушек...

Самого старшину тогда спас молодой лейтенант, вот как этот зенитчик... Лейтенанта того звали Николай Горелов. У механика-водителя люк заклинило от деформации броневых листов, и командир передней малой орудийной башни Т-35 буквально вырвал старшину с того света...

Потом они вместе воевали под Москвой в танковой бригаде Катюкова на мощном «Климе Ворошилове». За те бои и удостоились наград и звания гвардейцев.

А потом была растреклятая ржевская мясорубка – ледяной и снежный ад! Там и сейчас, летом 1942 года, шли ожесточенные бои. За каждый холм, овраг или сгоревшую деревеньку. Ну, а той зимой гвардии капитан Горелов погиб – таранил на тяжелом КВ-1 немецкий командирский танк «Панцер-III».

Так хотел погибнуть и гвардии старшина Стеценко – в танковом бою!

Но вот разменивать свою жизнь на утлой «полуторке» вовсе не хотелось! Не мог он на ней проявить весь свой опыт, вложить умения и знания в последний бой.

Тем не менее, вернувшись домой, он прятал взгляд от Варвары. Сам-то ей плел, мол, «на любом рубеже готов за смертью лечь». А теперь что? Шкурник. Жить захотел...

Глава 4

Т-90 – крещение огнем с небес!

– Настало время нам прощаться... – сказала Варвара, вытирая скупые военные слезы уголком платка. – Люб ты мне стал, да видно – не судьба. Завтра эвакуируюсь на пароходе через Волгу, ну а там – дальше на восток, в Казахстан.

В эту ночь Степан Никифорович в последний раз был с ней вместе. А наутро они разошлись. «Дан приказ ему – на запад, ей – в другую сторону»...

Посадочных талонов на теплоходы было в ту пору уже не достать. Была жуткая давка, на пристани творилось что-то невообразимое. Всякий раз, когда пароход подходил к причалу, огромные толпы отчаявшихся людей брали его чуть ли не штурмом. Талоны ограничивали число людей на каждый пароход, но сдерживать толпы беженцев было почти что невозможно. Даже оцепление из солдат помогало мало. Очень часто пароходы отходили сильно перегруженными. Люди при посадках просто зверели, затапывали слабых – стариков и детей. Однажды при отчаянной посадке накануне одна мать уронила грудного ребенка, и ее дикие крики никого не остановили: ребенок погиб под ногами толпы.

И таких мрачных случаев, которые предпочли забыть после Победы, было очень много. Но именно без них цена Победы была бы неполной. «Отлакированная» история, которая создавалась годами и десятилетиями, рассыпалась от живых воспоминаний ветеранов. Но от этого цена Победы не стала меньше – даже наоборот. Трагедии войны лишь подчеркнули героизм подвига советских людей и всех, кто был с ними в годы тяжелых испытаний.

Еще через несколько дней в жизни Степана Никифоровича Степенко произошло два важных события: он получил лейтенантские «кубари», а на Сталинградском тракторном заводе завершились предварительные испытания зенитного танка Т-90. Параллельно с ними была выпущена опытная партия из десяти машин. И эта отдельная зенитная танковая рота была отправлена на передовую для прохождения войсковых испытаний.

– Поздравляю вас с первым назначением, товарищ гвардии младший лейтенант, – сказал конструктор, начальник Отдела специальных машин. – Конечно же, лучше бы вы остались и продолжили работы над опытными экземплярами зенитных танков – с пулеметным и даже с пушечным вооружением. Уверен – будущее зенитных средств в Красной Армии именно за такими машинами!

– Виноват, товарищ военинженер второго ранга, но я – солдат. А враг уже у ворот города.

– Понимаю-понимаю... Мы уже готовимся к эвакуации в Нижний Тагил. Там, я надеюсь, мы продолжим разработку вместе с Николаем Александровичем Астровым.

– Ясно. Ну, удачи вам! А я – на передовую. Пора врезать этим сволочам.

Командир зенитно-танкового взвода отдельной танковой роты гвардии младший лейтенант Горелов наблюдал в бинокль за приближающимся противником. Впервые зенитным танкам довелось принять бой не с пикировщиками Люфтваффе, а с наземным противником. Но таковы были превратности войны. Нужно было «латать» дыры в обороне, а не экспериментировать с тактикой. С высоты было видно, как густой цепью идут гитлеровцы, прикрываясь угловатыми «Панцерами». Чуть дальше двигались похожие на гробы бронетранспортеры «Ханомаг» Sdk-251 – они тоже могли поддержать гитлеровскую пехоту огнем своих пулеметов. А пулеметы у них были – ого-го!

Maschinengewehr-42 – новая модель «машины смерти». Около восьмисот выстрелов в минуту могла выпустить эта «пила Гитлера»! Так называли этот пулемет союзники, и не зря: его звук разрываемого полотна было последним, что многие из них услышали в этой жизни...

Армия генерала Паулюса была оснащена самым лучшим оружием в Рейхе, и на содержании Шестой армии не экономили. И со всем этим пришлось расправляться с русской прямолинейностью.

Танки и мотопехота вермахта катили по выжженной равнине, метр за метром, сокращая расстояния до линии окопов, где заняли позиции уже изрядно потрепанные части.

С закатанными по локоть рукавами кителей цвета «фельдграу», с серебристыми имперскими орлами, в пилотках, а не в стальных касках. Некоторые – так и вообще в одних майках с орлом на груди, заправленных в серые брюки. За короткими голенищами сапог – ножи или гранаты-«колотушки» с длинными ручками. Гитлеровские пулеметчики вели огонь прямо с плеча «второго номера» расчета, используя его как сошки для стрельбы.

Офицер прогулочной походкой шел по русской земле, помахивая щегольским стеклом. На плече болтается пистолет-пулемет «MP-40», щеголеватый обер-лейтенант даже и не думал взять оружие на изготовку. Ведь это же грязные свиньи русские!.. Они же совсем не умеют воевать, а только драпают от победоносной германской армии!

С такими мыслями молодой обер-лейтенант и умер, когда поперек его груди хлестнула очередь раскаленного свинца. От ружейно-пулеметного огня строй немцев сломался, они сбивались в группки и становились легкими мишенями для залегших в окопах красноармейцев. Линия обороны озарилась вспышками дульного пламени. На флангах зло тараторили «Максимы», трещали «дегтяри» – «вторые номера» пулеметных расчетов едва успевали менять «тарелки»-диски с патронами.

И тут ударили танковые пушки «Панцеров». Наступление мотопехоты поддерживали немецкие «тройки» – Pz.Kpfw III Ausf. J с 50-миллиметровой пушкой KwK-38L/42 с длиной ствола сорок два калибра. Их беглый огонь прошелся по переднему краю нашей обороны, вызывая фонтаны разрывов.

Справа, неподалеку от позиции танка комвзвода Стеценко, располагался дзот. В его амбразуре зло тараторил «Максим», поливая наступавших гитлеровцев раскаленным свинцом. Пулеметчик бил длинными очередями: ствол с водяным охлаждением перегревался гораздо меньше, чем у «Дегтярей-пехотных». Но вот справа ухнул взрыв – прямое попадание! Степан Никифорович инстинктивно вжал голову в плечи, а когда огляделся, то вместо дзота образовалась дымящаяся развороченная яма. Оба красноармейца лежали, залитые кровью, возле искореженного «Максима».

Но в основном больших потерь это не вызвало. Пятидесятимиллиметровые снаряды гитлеровских танковых пушек имели гораздо более слабое фугасное действие, чем советские пушки калибра 76 миллиметров. И осколков немецкие снаряды давали значительно меньше. Кроме того, полевые укрепления, возведенные руками сталинградцев, не подвели – выдержали первый натиск врага. Недаром строились они почти полтора года.

Где-то здесь копала траншеи и ходы сообщения Варвара. Варечка... Где она теперь?... Успела ли эвакуироваться?...

Гвардии младший лейтенант Стеценко повел биноклем, осматривая нашу линию обороны. Держатся, родимые!

А угловатые «Панцеры» подползали все ближе, оглашая окрестности ревом двигателей и вонью сизых выхлопов сгоревшего синтетического бензина. Они вели заградительный огонь с коротких остановок, поливали наши окопы раскаленным свинцом спаренных пулеметов.

Наши пока молчали, ограничиваясь ружейно-пулеметным огнем – отсекали вражескую пехоту от танков. И это красноармейцам удалось: мотопехота Вермахта залегла, «гробы на гусеницах», броневики, тоже не спешили высовывать свои вытянутые морды.

Степан Никифорович огляделся: три танка его зенитно-танкового взвода были рассредоточены, врыты в землю и надежно замаскированы. Тактику танковых засад он усвоил еще суровой зимой 1941 года в судьбоносной битве под Москвой. И теперь использовал бесценный боевой опыт жарким огневым летом 1942-го...

Он снова перевел бинокль на поле: ну, еще чуть-чуть... Есть!

Первыми ударили дивизионы «сорокапятков». Вместе со старыми и надежными пушками образца 1937 года огонь по немецким танкам вели и модернизированные 45-миллиметровые пушки «М-42» образца 1942 года.

В начале 1942 года конструкторы артиллерийского завода в Мотовилихе провели модернизацию основной 45-миллиметровой противотанковой пушки образца 1937 года. Главной задачей модернизации было повышение бронепробиваемости. Ствол удлиннили, а также разработали новый артиллерийский выстрел. В нем снаряд и гильза остались без изменения, а вес порохового заряда был увеличен. Это позволило повысить давление в канале ствола и увеличить начальную скорость снаряда с 760 метров в секунду до 870 метров в секунду. Бронепробиваемость под прямым углом к листу брони на дальности в полкилометра выросла до 61 миллиметра, а на дальности 1000 метров – до 51 миллиметра. Снаряды этих пушек без труда пробивали усиленную броню модернизированных немецких танков.

Вот и сейчас сразу две пятнистые угловатые коробки задымились, превратившись в мобильные крематории на пять арийских персон! Горите в аду, сволочи!

Но остальные танки, а вместе с ними и бронетранспортеры продолжили упрямо ползти к нашим позициям. По ним ударили уже не только пушкари-противотанкисты, но и расчеты противотанковых ружей. Конечно, пробить бортовую, а тем более и лобовую броню немецких «механических зверей» они не могли. Но вот изрядно попортить им «шкуру» тяжелые ружья Дегтярева и Симонова были вполне способны.

Немцы тоже огрызались огнем, и теперь – уже более прицельно. Несколько разрывов 50-миллиметровых снарядов накрыли позиции «сорокапятков».

Гвардии младший лейтенант Стеценко переключил рацию на прием:

– Внимание, по фашистской гадине, короткими очередями – огонь! – Стеценко и сам взялся за маховики вертикальной и горизонтальной наводки и нажал на педаль спуска.

У «спарки» пулеметов «ДШК», установленной в башне зенитного танка Т-90, режим огня был только автоматическим. Можно было еще вести огонь только из одного ствола – правого. Но сейчас работали оба пулемета. Бледно-огненные в свете дня росчерки крупнокалиберных пуль полетели в цель. Они не могли ранить – только убивали. Пятидесятиграммовые «болванки» на скорости более километра в секунду отрывали руки, ноги, головы, пробивали по нескольку немецких пехотинцев сразу, разрывали арийцев пополам! «Мясной фарш порейнски» – хорошо идет под баварское пиво...

По наземным целям командир танка целился с помощью телескопического прицела «ТМФП» и довольно уверенно. Степан Никифорович видел, как переламываются пополам и падают в пыль серые фигурки гитлеровских пехотинцев.

Очереди двух зенитных танков скрестились на одном из немецких броневиков. Пехота из его боевого отделения уже выгрузилась, так что все пули достались механику-водителю и стрелку-пулеметчику. От превращения в фарш их не спасли ни наклонные бронелисты, ни бронешиток пулемета – для русских пуль калибра 12,7 миллиметра это было все равно, что фанера.

Сосредоточенный огонь уцелевших пушек, пулеметов и огня пехоты заставил немцев отойти на исходные позиции. Поле перед советскими окопами было сплошь усеяно телами в мышинового цвета мундирах, чадно горели фиолетовым пламенем эрзац-бензина два подбитых танка и изрешеченный броневик.

– Отставить стрельбу! – приказал Степан Никифорович.

Он снял два отстреленных тридцатизарядных диска, поднатужившись, переложил их в боевое отделение. А из укладки достал пару увесистых дисков с патронами. Проклятые «тарелки» никак не хотели становиться на пулеметы, пришлось долбануть по ним прикладом «ППШ» из боеукладки. Только после этого лязг и громкий щелчок возвестили, что барабан надежно встал на штатное место. Таким же образом был установлен и второй барабан. Степан Никифорович резко дернул за стальной тросик перезарядки, досылая патроны в патронники. После вытер пот со лба: в одиночку перезаряжать «спарку» крупнокалиберных пулеметов было очень тяжело.

– Так, славяне, а вот теперь готовьтесь – сейчас попрут самолетами давить! – снова связался со своими танкистами комвзвода Стеценко.

Он был абсолютно уверен в своих словах – успел убедиться за почти что полтора года войны. Гитлеровцы действовали шаблонно: если с ходу не удалось взять укрепленный рубеж, они вызывали артиллерию или авиацию и ровняли обороняющихся бомбами или тяжелыми снарядами. Сейчас их артиллерия была на марше, и, скорее всего, следовало ждать «лаптежников». А вот тут-то зенитные танки себя и покажут! Существовал еще один, крайне неприятный для гвардии младшего лейтенанта Стеценко вариант: гитлеровцы могли подтянуть и самоходки. И тогда его зенитные танки уже ничего не успеют сделать.

Но вот в бинокль Степан Никифорович разглядел черные точки над горизонтом.

– Воздух!!! К бою! – передал он по радию и сам довернул башню танка навстречу воздушной угрозе.

Дульные срезы крупнокалиберных пулеметов уперлись в силуэты квадратными, будто обрубленными, законцовками крыльев. Командир зенитно-танкового взвода думал, что немцы вышлют «лаптежников», как обычно. Но на этот раз утюжить наши позиции прилетели истребители-бомбардировщики «Мессершмитт» Bf-109E-4/B. «Эмили» были грозной силой в небе Польши и Франции в 1939–1940 годах. Но уже к началу наступления на Советский Союз эти истребители заметно «сдали». По скорости и маневренности наши «Яки-1» превосходили их чуть ли не в два раза! Хотя вооружение у «Эмиля» было весьма солидным по тем временам. С двумя синхронными пулеметами MG-17, установленными над мотором, и двумя 20-миллиметровыми пушками MG-FF в крыльях этот истребитель давал залп в 132 килограмма в минуту! Вот поэтому-то командование Люфтваффе и решило использовать его для ударов по наземным целям. Истребительно-бомбардировочный вариант «Мессершмитта» Bf-109E-1/B имел бомбодержатели для четырех 50-килограммовых или одной 250-килограммовой бомбы. При этом стрелковый прицел Carl Zeiss Revi использовался и как бомбардировочный. Для истребителя-бомбардировщика скорость пикирования со средних и больших высот составляла более шестисот километров в час.

Вот как раз с такой скоростью и обрушились на наши позиции проклятые стервятники 4-го флота Люфтваффе. Перевернувшись через крыло, они понеслись вниз, сбросив на позиции красноармейцев свой смертоносный груз. Фонтаны взрывов взметнулись над нашими окопами. На этот раз потерь было гораздо больше, чем от обстрела танков. Стервятники видели прекрасно, куда мечут свои семена смерти, которые прорастали на советской земле фонтанами вздыбленной земли, огнем, дымом и кровью.

Степан Стеценко послал несколько очередей из крупнокалиберных пулеметов, но попасть не сумел, неправильно взял упреждение. Два других зенитных танка также не сумели никого зацепить. Все ж атакующий самолет врага – это не конус, который тащит за собой «работяга-кукурузник». По конусу-то, поди, стрелять проще было...

Отбомбившись, немецкие истребители снизились на бреющий полет и прошлись вдоль нашего переднего края, стреляя из пушек и пулеметов. Из своих стволов они извергали те самые 132 килограмма свинца и стали в минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.